

Глава 21. Человеку без великой цели никак нельзя!

Цан Доушань задумал соединить мед, чай и огурец, добавив другие целебные травы, чтобы сделать патчи для глаз. Рекламирывать их свойства можно было бесконечно — чем невероятнее обещания, тем лучше. Правда, поначалу задумка казалась сырой. Но после того как они с Вэйшэном проболтали целый день, бродя по улицам и набивая животы уличными сладостями, идея окончательно обрела форму.

В состав должны были войти масло чайного дерева, огуречный сок и целый букет омолаживающих трав. Основой служил пчелиный воск, нарезанный тонкими шестиугольными пластинками под размер глазниц. Все это укладывалось в изящные фарфоровые коробочки той же формы. В комплекте — восемь пар, цена — семьсот девяносто девять лянов серебра. Сущие копейки за вечную молодость.

Закупив фарфоровые шкатулки, Вэйшэн принялся разбирать технику культивации, которую для него записал Цан Доушань. Вчитавшись, он действительно обнаружил немало отличий от того, к чему привык.

В ударах старика сквозила жажда крови. Каждое его движение дышало свирепостью и властной мощью — это была техника урагана, сметающего все на своем пути.

Вариант же Цан Доушаня, хоть и оставался кулачным боем, ощущался мягче, плавнее. Вэйшэн попробовал сделать несколько выпадов, но... все было не то. Душа его явно лежала к безымянной технике старика.

Впрочем, забросить писанину Доушаня он не решался — все-таки тот трудился не покладая рук, аж круги под глазами залегли. Эх.

Вэйшэн потренировался еще немного. Постепенно движения сами собой, без его ведома, перетекали в приемы старика. Он двигался с таким упоением, что он едва снова не потерял контроль. Вовремя спохватившись, он волевым усилием прервал связку.

Тут-то он и почуял неладное. Стоило начать эту безумную пляску, как остановиться становилось почти невозможно. Чем дольше бьешь, тем яростнее он выкачивает духовную энергию из окружающего мира, и тем быстрее идет закалка. И пускай у Вэйшэна имелся бездонный колодец Черного моря, избавлявший от страха истощения, эта техника вызвала пугающее привыкание. Из глубин Черного моря он возвращался, стоило лишь открыть глаза в реальности, а вот оборвать танец кулаков наяву было куда труднее.

При этом у Ху Лэ подобных трудностей не возникало. Почему так? Любопытство жгло Вэйшэна изнутри, безумно хотелось расспросить парня.

За тренировками незаметно пролетел день. К вечеру Цан Доушань закончил возиться с первой партией образцов. Объяснив подмастерьям основные шаги, он отправил их в мастерскую

набивать руку.

Ху Лэ же он попросил задержаться:

— Погоди, есть разговор.

Парень заметно занервничал.

— Через несколько месяцев в провинции Сяньби откроется ярмарка благовоний, — спокойно заговорил Доушань. — Я переговорил с боссом Хуаном: ты поедешь туда с его людьми. Ты уже принялся к нашему делу, пора расти дальше. Смотри, как работают мастера, мотай на ус.

На лице Ху Лэ смешались обида и глухая злость.

— На сколько ехать? — глухо спросил он.

— Полгода, не меньше.

— Ладно... А как же старик?

— Если хочешь, забирай его с собой, — Цан Доушань задумчиво перебирал в пальцах гладкую бусину бодхи. — Все дорожные расходы я беру на себя.

— А его разум? Вылечить его получится?

— Со временем. Всему свой черед.

— Хорошо, — сдался Ху Лэ. — Когда выезжаем?

— Через пять дней.

На том и порешили. Выйдя из кабинета, Ху Лэ наткнулся взглядом на Вэйшэна, но лишь опустил голову и поспешил мимо. Вэйшэн проводил его взглядом, шумно вздохнул и решительно шагнул в кабинет. Цан Доушань как раз щелчком отправил бусину в стоявшую в углу вазу. Он поднял глаза на вошедшего и сухо спросил:

— Ну и чего ты пыхтишь, как перегретый котел?

Бусина со свистом взмыла в воздух и послушно вернулась в ладонь мастера. Он бросил ее снова — на этот раз она ударилась о горлышко, чудом провалилась внутрь, но оставила на тонком

фарфоре щербину.

— Да ничего, — Вэйшэн со стуком придвинул стул, уселся и закинул ногу на ногу. — Просто посижу.

Цан Доушань продолжил свое монотонное занятие, пока в очередной раз бусина пролетела мимо вазы, шмякнулась о каменный пол и разлетелась на мелкие кусочки.

Доушань вздохнул, достал брусок отличной туши, снял обертку и, плеснув на притертый камень немного воды, принялся неторопливо водить им по кругу. В комнате воцарилась сонная, шуршащая тишина.

На подоконник опустился угод. Сверкнув бусинками глаз, птица принялась деловито чистить перья под крыльями — сначала под левым, затем под правым. Закончив туалет, она выдала короткую трель и с шумом улетела.

Вэйшэн заворуженно следил за тем, как Доушань растирает тушь.

«Ну и нудная же работа... Долго он еще елозить будет?»

От этого зрелища навалилась дремота, и парень то и дело сладко зевал.

— Что у нас на ужин? — внезапно спросил Цан Доушань.

— Да без разницы.

— Значит, поголодаем, — Доушань отложил брусок туши и поднялся. — Пойду проверю, как там дела в мастерской.

И вышел из комнаты, даже не обернувшись. Вэйшэн мысленно помянул всех его родственников до седьмого колена.

Через пять дней Ху Лэ собрал нехитрые пожитки и отправился в путь. Старик, с которого наконец-то сняли даже намек на цепи, возбужденно крутил головой по сторонам, и на его изможденном лице сияла детская улыбка.

На дорогу Доушань отсыпал им изрядную сумму. Вэйшэн округлил глаза, впервые осознав, насколько богат его компаньон.

— Откуда у тебя столько деньжищ?

— Не твое дело, — отмахнулся тот.

Но Вэйшэн заупрямился:

— Ну уж нет, колись! Кто подкинул? Босс Хуан или твои благородные клиентки? Стой, куда пошел! Пока не объяснишь, из комнаты не выпущу.

Цан Доушань поморщился от его дотошности:

— Проценты с продаж, ясно тебе? Обычные комиссионные!

До Вэйшэна наконец дошло, и он снисходительно закивал:

— А, ну ладно. Считай, выписал тебе на карманные расходы...

Доушань лишь фыркнул в ответ.

Вэйшэн решил зайти с козырей:

— На ужин приготовлю свинину в кисло-сладком соусе с ананасами и легкий суп со шпинатом и тофу.

— Ладно.

— Тебе сколько риса положить?

— Одну пиалу.

— Хм, а я думал, осилишь две.

— На ночь вредно набивать желудок мясом. Обойдусь супом.

— Слушаюсь и повинуюсь, о великий мудрец.

Маленькая буря улеглась, и потекли привычные тихие будни. Спустя пару дней затишья

Вэйшэн, немного восстановив силы, вновь погрузился в глубины Черного моря. Как бы ему ни хотелось избежать этого испытания, остановить зов бездны было не в его власти.

Ложась в постель, он готовился к худшему, решив принимать любые сюрпризы судьбы с философским спокойствием. Однако реальность превзошла все ожидания.

Огромная луна, царившая над Черным морем, бесследно пропала.

Призрачное сияние на краю горизонта угасло, и небеса вновь затянуло беспросветной грозовой мглой. Вэйшэн долго всматривался в пустоту, тщетно пытаясь понять, куда подевалась эта исполинская глыба. Не найдя ответа, он вздохнул и принялся за привычную медитацию. В мыслях, против воли, всплыли яростные движения безымянного стиля старика.

«Если наяву, где духовная энергия едва теплится, эта техника дарует такое упоение, то что же начнется здесь, в Черном море?..»

Нет, рисковать нельзя. Ни в коем случае.

Вэйшэн сосредоточился на проверенной методике Сихэ. Когда он открыл глаза в реальном мире, то почувствовал, что стал на полшага ближе к ступени Черного Окуня. За окном едва брезжил рассвет. В Переулке Цветочной Чашечки заголосили боевые петухи, устроив утреннюю переключку. Вэйшэн зевнул и тихонько поднялся с постели, стараясь не шуметь, но Цан Доушань все равно заворочался и сонно пробормотал:

— Что так рано?..

— Спи-спи, еще рань несусветная.

Доушань уткнулся лицом в подушку, и его дыхание снова выровнялось. Вэйшэн вышел на крыльцо, присел на холодные каменные ступени и задумался о будущем. Сумка-хранилище была забита под завязку. Теперь нужно скопить кругленькую сумму на новые закупки. Но на что ее потратить?

Тщательно взвесив все расходы и отложив оборотный капитал для лавки, он набросал в уме список необходимых припасов на случай тяжелых времен. С этим планом он почувствовал себя гораздо увереннее.

Первая пробная партия омолаживающих патчей — всего шесть драгоценных шкатулок — разлетелась в мгновение ока. Свободных средств у Цан Доушаня почти не осталось, но он все же выкроил немного серебра, чтобы купить свежих плодов цитрона. Он разложил их на столе; терпкий аромат цедры с едва уловимой травяной ноткой приятно освежал воздух и успокаивал

мысли.

Вэйшэн между тем пропадал с утра до вечера. Доушань присматривался к нему, но никак не мог понять, какую кашу заварил его неумный приятель.

Тайна раскрылась через несколько дней. Вэйшэн арендовал соседний пустующий участок и нанял туда целую артель бродячих практиков. Закончив приготовления, он позвал Доушаня оценить размах работ.

Приглашенные заклинатели занимались земляными работами, но делали это с потрясающей скоростью. Простые заклятия крушили слежавшуюся почву, мгновенно роя огромный котлован. Следом шло укрепление стен, наложение маскирующих чар и вывод вентиляционных шахт. Крепкие, расторопные ребята знали свое дело. Тут до Доушаня наконец дошло: Вэйшэн строит подземное убежище.

И судя по всему, рассчитано оно было на долгую и вполне комфортную жизнь под землей.

Наемники выполнили лишь черновую работу: вырыли просторные залы, установили скрывающие ауру барьеры и настроили воздушные артефакты. Сдав объект, они тут же забрали плату и испарились.

Но даже в таком виде этот бункер превосходил тот жалкий погреб, который они когда-то пытались копать вместе с Ху Лэ, примерно в миллион раз.

Вэйшэн с гордым видом потащил друга осматривать владения:

— Ну как тебе? Оценил масштаб?

— Впечатляет, — признал Доушань. — Но если разгорится настоящая война, мы ведь не сможем прятаться под землей вечно?

— До войны еще далеко, как минимум до следующего года ничего серьезного не начнется, — отмахнулся Вэйшэн и, потирая руки от восторга, спрыгнул вниз. — У нас полно времени, чтобы все обустроить. А как полыхнет — переждем первую бурю здесь. Подкопим золотишка и переберемся в столицу, в Город Дункан.

— А если и столицу осадят?

— Значит, сделаем ноги пораньше.

— Понятно, — вздохнул Цан Доушань. Ему невольно вспомнилась старая поговорка: «Лучше быть собакой в мирное время, чем человеком в эпоху хаоса».

С этого дня к повседневным заботам Вэйшэна прибавилось обустройство их маленькой подземной крепости. Он метался между лавкой и стройкой, упиваясь собственной предприимчивостью.

Цан Доушань вернулся к привычной рутине: разрабатывал рецепты косметических снадобий, медитировал и время от времени вспоминал старого Сунь Сюэдао — его истерзанное, kloкочущее безумием море сознания.

В голову порой закрадывались сомнения. Тот юноша, каким он был когда-то, давно мертв. Так ли важно теперь, чья рука оборвала его прежнюю жизнь? Ну найдет он убийцу, ну отомстит — что это изменит? И все же глубоко внутри горело упрямое, горькое нежелание мириться с поражением.

Ведь если бы не та трагедия, он бы уже унаследовал пост главы Врат Сердца. Прочел бы сокровенный Свиток Сердца секты Сихэ, а возможно, удостоился бы чести взглянуть на Свитки Неба и Земли. И когда династия Юй покатила в пропасть, его сил вполне могло хватить, чтобы защитить родную обитель от всеобщего краха.

А что теперь? Секта Сихэ стерта с лица земли, и единственное, что от нее осталось, — он сам. Нет, смириться с этим он не мог.

Как старший ученик Врат Сердца он был обязан если не возродить былую славу ордена, то хотя бы вернуть долг чести и забрать то, что принадлежало ему по правому закону.

С обретением цели на душе стало на удивление легко, разум прояснился, а работа в мастерской закипела с удвоенной силой — новые рецепты рождались один за другим.

Вэйшэн же, напротив, внезапно заскучал. Все пункты из его длинного списка необходимых покупок были выполнены, и на него навалилась томительная пустота.

Чем занять себя теперь? Просто сидеть сложа руки и ждать, пока на пороге покажется вражеская армия?

Исписав кучу бумаги каллиграфией и до изнеможения намахавшись кулаками во дворе, парень понял, что сходит с ума от безделья. Чтобы хоть как-то развеяться, он решил прогуляться до старого блошиного рынка — вдруг посчастливится откопать среди хлама что-нибудь стоящее.

На этом рынке частенько собирались небогатые практики, чтобы сбыть скопившийся хлам: зазубренные, но еще пригодные для боя летающие мечи, залежалые талисманы сомнительного

качества, пережженный шлак из алхимических печей... Словом, грошовая рухлядь, от которой мало проку. И все же спрос рождал предложение — редкий зевака уходил отсюда без какой-нибудь безделушки. И лишь Вэйшэн составлял исключение из правил. Он часами бродил среди рядов, разглядывал товары, но никогда ничего не покупал, из-за чего местные торговцы давно знали этого прижимистого гостя в лицо.

<http://bllate.org/book/18329/1825866>